

„Настанет время“.

(Пьеса Ромена Роллана в студии Малого театра).

Настанет время... когда наступит просветление в сознании народных масс, когда «вооруженный народ» — армия перестанет быть слепой игрушкой в руках «властителей мира» — биржевых королей, когда «законы нации» перестанут торжествовать над личностью, и человек, освобожденный от дурмана национализма и власти капитала, перестанет убивать человека и все люди станут братьями.

Этой уверенной надежде посвящена пьеса Ромена Роллана.

В ней нет твердого определения тех путей, по которым придет к этому человечество. В ней только первые намеки, первые зарисовки, кратким отблеском рассекающие тьму.

Оуэн — солдат английского колониального карательного отряда не хочет больше убивать южно-африканских туземцев, героически отстаивающих свое право. Оуэн силенок, бессилён. Его призывные слова, пытающиеся пробудить сознание тех, кто еще убивает, бесплодны. Таков основной сюжет. Советский зритель мысленно продолжает пьесу, зная, по какому пути пойдут (и пошли) следующие, более опытные Оуэны, не бросающие оружия, а обращающие его против своих «властителей».

В драме Роллана даны крепкие, — пусть и в схематической обрисовке, — фигуры победителей в неравном бою с англичанами повстанцев-туземцев, на стороне которых

остается моральная сила, и победителей — циничную свору «цивилизованных» палачей-начальников рядом с темной массой отравленных шовинизмом английских солдат. Особняком стоит фигура командующего английским отрядом фельдмаршала, являющегося по структуре пьесы центральным ее персонажем. Душевные коллизии его составляют параллельную интригу пьесы. Его сознание, как и Оуэна, охвачено возмущением против нелепости человеческой вражды, против бойни, но фальшивые представления о «долге перед родиной» делают его рабом сложившегося порядка.

В пьесе четко вскрыты внутренние пружины действий империалистических «культуртрегеров» — англичан, снята их обычная маска лицемерия и лжи. Они показаны во всем своем моральном уродстве. Несколько перегруженный морализмом текст пьесы местами одобрен лирико-сентиментальными и мелодраматическими сценами. Но в этом не было особенной надобности. Пьеса волнует зрителя и без этого силой своего внутреннего пафоса.

Студийцы Малого театра — способная и добросовестная молодежь — просто и ясно, с большой увлекающей искренностью, в отдельных местах со значительной художественной силой, раскрыли зрителю сущность этой ценной литературно-агитационной пьесы, не заслуженно игнорируемой нашими театрами.

„Известия“, г. Москва
1925 г., 1 ноября